Вадим Вацуро
о Лермонтове

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Проблема выбора источника текста поэмы «Каллы» возникла в лермонтоведении более ста лет назад, но в 1920-е годы была снята с обсуждения и в настоящее время не поднимается. Между тем, на наш взгляд, она была решена неверно и требует пересмотра именно с учетом современного взгляда на «недостоверные источники». Но чтобы это стало ясным, требуется достаточно подробный экскурс в область лермонтовской историографии.

- О тексте поэмы М. Ю. Лермонтова «Каллы»
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25

- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31

О тексте поэмы М. Ю. Лермонтова «Каллы»

1

В 1979 году Ю. М. Лотман опубликовал небольшую статью, озаглавленную «К проблеме работы с недостоверными источниками». «Признавая критику источников краеугольным камнем всякого исследования, — писал он здесь, — мы хотели бы лишь обратить внимание на то, что само понятие „достоверности“ обладает известной относительностью. И безусловное доверие к „достоверным“ источникам, и сам же категорический отказ от использования „недостоверных“ могут привести к нецелесообразным решениям»[1]. В противовес подобного рода метафизической оценочности Ю. М. Лотман выдвигал принцип соответствия между типом источника и методикой его обработки.

Статья Ю. М. Лотмана ближайшим образом была посвящена мемуарам, — но общие ее положения могут быть распространены и на иные виды и категории источников. В нашем случае она находит себе подтверждение в одном текстологическом казусе, который, как нам представляется, имел важные и несколько неожиданные последствия для истории текстологического изучения Лермонтова. Речь идет о дефинитивном тексте ранней лермонтовской поэмы «Каллы».

Эта проблема возникла в лермонтоведении более ста лет назад, но в 1920-е годы была снята с обсуждения и в настоящее время не поднимается. Между тем, на наш взгляд, она была решена неверно и требует пересмотра именно с учетом современного взгляда на «недостоверные источники». Но чтобы это стало ясным, требуется достаточно подробный экскурс в область лермонтовской историографии.

Впервые поэма «Каллы» в полном своем виде появилась в печати в 1882 году в двух почти одновременных публикациях. В декабрьском номере «Русской старины» ее вместе с поэмой «Литвинка» напечатал известный текстолог и историк литературы П. А. Ефремов[2] по копии В. Х. Хохрякова, хранившейся в императорской Публичной библиотеке[3]. Самоотверженный собиратель лермонтовского наследия, Хохряков располагал многими утраченными затем автографами и списками лермонтовских текстов, которые он копировал и возвращал владельцам; в результате создалось собрание, уникальное по своей ценности. Поэму «Каллы» Хохряков получил в дефектном виде: в его источнике (копии)[4] был оборван лист, на котором остались лишь начальные слова или даже обрывки слов. Собиратель тщательно скопировал их, — но по ним невозможно было восстановить целостный текст. Фрагмент VI поэмы (стихи

147–156) Ефремову пришлось заменить точками, как утраченный. После него следовала концовка, содержащая шесть строк. Она сохранилась только в копии Хохрякова, происхождение которой до сих пор остается неизвестным[5].

Почти одновременно, даже несколько ранее, в ноябрьском и декабрьском номерах «Русской мысли», «Каллы» и «Литвинку» напечатал П. А. Висковатов, уже начавший в это время систематическое изучение и публикацию творческих и биографических материалов о Лермонтове. В примечании к «Литвинке» он отметил, что воспроизводит текст по копии Хохрякова, после сравнения со списком, принадлежавшим И. А. Панафутину[6]. Что же касается поэмы «Каллы», то Висковатов располагал, помимо хохряковской и панафутинской копий, еще третьим источником, о котором он упомянул глухо: «один из альбомов 30-х годов». По этим двум копиям он и внес исправления в список Хохрякова, заполнив, в частности, лакуну в стихах 147–156. Таким образом, в 1882 году поэма «Каллы» появилась в печати в двух разных редакциях.

Перепечатывая поэму через семь лет в собрании сочинений Лермонтова, Висковатов точнее указал на свой основной источник: «список начала 30-х годов, сохранившийся в бумагах г-жи Верещагиной»[7].

Так впервые возникла проблема выбора источника текста поэмы «Каллы», которая была снята — как это ни странно — в эпоху становления научной текстологии.

2

Эта парадоксальная на первый взгляд ситуация сложилась не в последнюю очередь потому, что в сознании нескольких поколений текстологов П. А. Висковатов имел репутацию чуть ли не фальсификатора. Она отразилась в примечаниях к однотомнику Лермонтова под редакцией К. И. Халабаева и Б. М. Эйхенбаума 1926 года, с которого, собственно, начинается современное изучение лермонтовских текстов. Огромная работа, проделанная редакторами, пересмотревшими заново весь известный к тому времени фонд автографов и копий, а также наиболее авторитетные издания Лермонтова, была закреплена текстологическим паспортом — сводкой разночтений печатных изданий, наглядно демонстрировавшей ошибки предшествующих текстологов. В этой сводке постоянно встречалось имя Висковатова.

Изданием 1926 года была задана инерция недоверия к висковатовским текстам. Текст «Демона» в его публикации, читаем здесь, «представляет собою несомненную фальсификацию». В стихотворении «30 июля», опубликованном в 1883 году в «Русской мысли», Висковатов «вместо стихов 12,17,18,21,22,24,29 и 30 дает стихи собственного сочинения»; то же — в ст. 7 «Чумы в Саратове». Стихи 5–9 стихотворения «К N.N.» («Ты не хотел! но скоро волю рока») напечатаны им в «Русской мысли» в 1881 году «в собственной переделке»; «Мадригал» («Душа телесна — ты всех уверяешь смело») опубликован «впервые у Висковатова (1,27) с собственной переделкой двух первых строк»…[8]

Прервем здесь цитацию, которую можно продолжить, значительно увеличив число примеров: уже приведенные здесь показывают ясно, что мы имеем дело со сложившейся репутацией издателя, бесцеремонно редактировавшего лермонтовский текст. По-видимому, она не сложилась в 1920-е годы, а отчасти была унаследована; формула «произвольные изменения» постоянно употреблялась в бурных и часто мелочных спорах текстоголов и издателей, готовивших к лермонтовскому юбилею 1891 года конкурирующие издания.

Между тем ни один из приведенных выше примеров текстологического произвола, якобы допущенного Висковатовым, не только не подтверждал его сложившуюся репутацию, но и сам заключал в себе лишь часть истины, а иной раз и прямую ошибку.

Здесь не место рассказывать подробно историю публикации Висковатовым «Демона»; важно, однако, что список, попавший

ему в руки, был передан им на экспертизу в Отделение русского языка и словесности Академии наук, и комиссия, включавшая А. Н. Майкова, Я. П. Полонского, Н. Н. Страхова, А. Н. Пыпина, настаивала на авторитетности списка и принадлежности текста Лермонтову[9]. Позднее была установлена ошибочность решения Висковатова, равно как и академической комиссии, — однако ошибка далеко не равнозначна фальсификации, да и самый список, вероятно, требует иных критериев оценки. Неосторожной была и формулировка «стихи собственного сочинения», носившая явно полемический характер; более того, редакторы издания 1926 года по непонятным причинам не указали, что все отмеченные ими стихи, искаженные в публикациях «Русской мысли» (кроме совершенно незначительного разночтения в ст. 5 в стихотворении «NN»), были исправлены Висковатовым в отдельном издании Лермонтова под его редакцией[10].

Здесь мы вновь должны вспомнить о предложенном Ю. М. Лотманом подходе к проблеме «недостоверного источника». «Недостоверность» публикаций Висковатова имела целый ряд причин, которые вовсе не безразличны, когда дело идет об источниковедческом анализе. Одной из них были, по-видимому, редакционные или цензурные требования к журнальной публикации, — несколько иные, чем для отдельного издания, выходившего к тому же под редакцией самого Висковатова. Вторая коренилась в текстологическом дилетантизме, характерном не только для него, но почти для всех редакторов и издателей русских классиков в XIX веке; исключения здесь единичны. Не следует забывать, что проблема филологической критики текста, выбора источника основного текста, принципы подачи вариантов получили теоретическое обоснование лишь к концу 1930-х годов, когда начал выходить академический Пушкин, и любой текстолог-практик знает, какое количество нерешенных вопросов остается здесь и в настоящее время. Текстология 1920–1930-х годов, утверждавшая новые принципы в непримиримой борьбе с любительскими методами своих предшественников, иной раз склонна была пренебрегать требованиями строгого историзма.

Движимые недоверием к висковатовской текстологии, редакторы издания 1926 года предпочитали не пользоваться его текстами. Так произошло с «Исповедью». «Висковатов, — читаем в примечаниях, — вставил в текст XXI тетради стихи, взятые, по его словам, из переданных ему Хохряковым материалов. Однако „материалы“ эти остались неизвестными. Ефремов поместил „Исповедь“ в примечаниях, напечатав ее по автографу XXI тетради и указав, что „оно (стихотворение) было напечатано в „Р.

Старине“ совсем иначе“ (Сочинения Лермонтова, 1889 г., т. 2, стр. 529). Введенский в 1-м издании обозначил вставки Висковатова скобками, объяснив в примечаниях, что „главы“ эти (т. е. IV, V, первая половина VI и VII) опубликованы Висковатовым „с неизвестной рукописи“ (Полн. собр. соч. Лермонтова, 1891 г., Т. 2, стр. 364)»[11].

В издании 1926 года «Исповедь» была напечатана по неполному черновому автографу. Копия же Хохрякова позднее нашлась; сверка ее с публикацией Висковатова показала, что последняя содержит лишь «небольшие отклонения от текста»[12].

Рационалистический скептицизм ранней советской текстологии — мощный инструмент борьбы против дилетантизма предшествующих эпох — корректировался и преодолевался в самом ходе развития теории и эдиционной практики. Академический шеститомник не отверг полностью и висковатовскую редакцию упомянутого выше «Мадригала» («Душа телесна — ты всех уверяешь смело…»), которая считалась ранее «собственной переделкой» издателя: она приведена в разделе вариантов и других редакций[13]. Решение, несомненно, правильное: редакция, отличная от автографа, источник которой неизвестен, приравнивается к тексту копии неясного происхождения.

Вернемся, однако, к тексту «Каллы», который в издании 1926 года был установлен заново.

В его основу редакторы положили источник, весьма авторитетный и Висковатову еще неизвестный, — авторизованную копию в так называемой «XXI тетради»; поскольку копия была неполной, последние стихи были напечатаны по копии Хохрякова, а лакуна в стихах 147–152 обозначена строкой точек. Редакция Висковатова была отвергнута решительно. «Текст „Русской Мысли“ (Висковатов), — отмечено в комментарии, — отличается произвольными изменениями и дополнениями, оправдываемыми ссылками на какой-то альбом начала 1830-х годов»[14]. Убежденность в редакторском произволе Висковатова была настолько сильна, что редакторы не обратили внимания на примечание в третьем томе висковатовского издания, отсылавшее исследователя к архиву Верещагиной. Между тем это было указание чрезвычайно важное.

3

В 1882 году, к которому, как мы помним, и относится первая публикация «Каллы», Висковатов получил доступ к бумагам близкой приятельницы и родственницы Лермонтова Александры Михайловны Верещагиной.

Самой Верещагиной, вышедшей замуж за вюртембергского дипломата барона К. Хюгеля и с 1837 года жившей за границей, к 1882 году не было в живых (она умерла в 1873 году). Висковатов установил связи с дочерью Верещагиной, графиней Александрой Берольдинген, и получил от нее три альбома из архива матери, два письма Лермонтова и его автопортрет; он снял копии с альбомных стихов и рисунков и вернул материалы владельцам. Некоторые сведения о Верещагиных и их архиве он напечатал в «Русском вестнике» и в своей биографии Лермонтова. В течение многих лет информация Висковатова была уникальной и не поддавалась проверке: доступ к архиву Верещагиных был затруднен и стал отчасти открываться только с начала 1960-х годов. К этому времени архив разделился; часть его была продана с аукциона.

Сохранившиеся материалы верещагинского архива были обследованы И. Л. Андрониковым, американскими исследователями Е. Михайловой и А. Глассе, а затем Т. П. Голованової и Е. А. Ковалевской; работы трех последних были опубликованы в совместном советско-американском сборнике, вышедшем в 1979 году[15]. В процессе исследования пришлось обратиться к оставшимся бумагам Висковатова, — тогда и стали проясняться его взаимоотношения с наследниками одной из ближайших приятельниц Лермонтова. Сам он — без сомнения, по их требованию — вынужден был соблюдать чрезвычайную осторожность в печатных упоминаниях об этих связях, раскрыв их — и то частично — только в биографии 1891 года; отсюда и неопределенное указание на «альбом 30-х годов» в публикации 1882 года. Нет сомнения, что он держал в руках и материалы, ныне нам неизвестные, о которых либо сообщил глухо, либо не сообщил вовсе[16].

Готовя пятитомное «академическое» издание Лермонтова в первой половине 1930-х годов, Б. М. Эйхенбаум интересовался судьбой лермонтовских материалов, оставшихся у Верещагиной. Есть некоторые основания думать, что и отношение его к изданию Висковатова претерпело некоторую эволюцию. Во всяком случае, в статье «О текстах Лермонтова» 1935 года, явившейся своего рода обоснованием текстологической стороны издания

«Academia», наибольшее число упреков адресовано не Висковатову, а пятитомному изданию Лермонтова 1910–1916 годов под редакцией Д. И. Абрамовича[17].

Перепечатывая «Каллы» в 1935 году, Б. М. Эйхенбаум сохранил установленный в 1926 году текст, но дал гораздо более осторожный комментарий. Несомненно, он учитывал возможность появления у Висковатова материалов из верещагинского архива. В примечаниях он привел разночтения висковатовского текста и воздержался от всякой его оценки, сохранив лишь интонацию сомнения: «Висковатов, — писал он, — нанес на <…> список (карандашом) варианты, найденные им, как он тут же помечает, в рукописи Верещагиной. Пострадавшая глава VI заполнена им по этой рукописи (если верить Висковатову), но в несколько другой редакции…»[18]

При такой позиции вопрос о дефинитивном тексте поэмы должен был неизбежно возникнуть заново. Критика висковатовской публикации была необходимым условием обоснования принятого текстологического решения.

Попытка такой критики была сделана в третьем томе последнего академического издания сочинений Лермонтова в шести томах, осуществленного в 1954-195 7 годах.

4

Нам следует процитировать здесь академический комментарий, так как он содержит наиболее развернутое описание источников текста «Каллы», которыми мы располагаем в настоящее время.

Печатается по авторизованной копии — ИРЛИ, оп. I, № 23, л. 1–3 об. и по копии со списка В. Х. Хохрякова — ГПБ, собр. рукописей М. Ю. Лермонтова, № 64, л. 15 об. — 20.

В авторизованной копии рукой Лермонтова написаны подзаголовки, примечание к названию поэмы и эпиграф. Авторских исправлений в тексте нет. Недостает последнего листа. Текст обрывается на 146-м стихе.

Следующие стихи 147–152 печатаются по копии со списка В. Х. Хохрякова. В списке пробел: оторван угол листа, и по этой причине выпали десять строк (после стиха 146; в настоящем издании это место отмечено строкой точек). В копии воспроизведены только сохранившиеся начальные слова этих десяти строк:

Быть может
В его чертах
Следы страда
Но укрывал
Под башлы
Он не госп
И верно б
На том к
Встречал ли
Ему открыт был

Здесь же рукой Хохрякова помечено: «Оторвано».

До 146-го стиха текст авторизованной копии и копии со списка Хохрякова совпадают.

Есть еще одна копия с надписью «От Хохрякова» — ИРЛИ, оп. 2, № 45. Ее первоначальный текст совпадает с копией со списка Хохрякова в ГПБ. Текст копии подвергся позднейшей значительной правке, принадлежащей Висковатову. Перед текстом карандашная помета Висковатова: «Поправки по

рукописи Верещагиной». Правка произведена карандашом. Десять оборванных строк после стиха 146 дополнены и против VI раздела еще указано: «в бумагах Верещагиной».

Трудно теперь установить, действительно ли Висковатов правил текст и восполнил недостающие строки «по рукописи Верещагиной». Известно, что иногда он допускал грубые искажения лермонтовских текстов, и потому нет достаточных оснований считать, что данная правка действительно произведена по последней редакции, которую Висковатов нашел «в бумагах Верещагиной»[19].

Этот комментарий очень характерен: он отражает колебания репутации Висковатова и ту неопределенность его оценки, которая пришла на смену негативным характеристикам предшествующих десятилетий. В середине 1950-х годов уже нельзя было прямо объявлять его фальсификатором и обвинять в сочинительстве. Формула «допускал грубые искажения <…> текстов» по смыслу была корректнее, но она утрачивала доказательную силу. Наличие такого рода искажений в редактированных Висковатовым текстах не могло ставить под сомнение его свидетельство, что он получил от наследников Верещагиной копию «Каллы». Можно было сомневаться в точности ее воспроизведения, в том, что текст принадлежит последней редакции, — но не в самом факте знакомства с копией. Другое дело, если бы перед нами был уличенный фальсификатор.

Очень показательно, однако, что эти нотки подозрения постоянно проскальзывают в комментариях к изданию. Так, публикация Висковатовым «Литвинки» в «Русской мысли» объявляется дефектной из-за «произвольных отступлений» от текста хохряковской копии «в стихах *14*,*17*> 18, 22, зз, 39, 44, 49 и др.»[20]. Как и в других случаях, Висковатов исправлял чтения одной копии чтениями другой, а в отдельном издании часть этой правки снял. При всех обстоятельствах о «произволе» говорить не приходится. Висковатовский текст «Аула Бастунджи», согласно академическому комментарию, изобилует «неточностями и отступлениями от текста»[21], — от какого текста? В академическом издании «Аул Бастунджи» печатается по автографу; Висковатов же пользовался списком Хохрякова и имел «еще два списка, из коих один помечен 1831 годом»[22]. То, что новейший комментатор называл «отступлениями» и «неточностями», на деле было разночтениями копий, которые следовало привести в издании с соответствующими оговорками.

Таких разночтений с дефинитивным текстом в висковатовском «Ауле Бастунджи» несколько десятков, — и уже одно это дает основания поставить вопрос о редакциях поэмы. Но инерция недоверия к висковатовским текстам продолжала действовать, перерастая в недоверие к висковатовским источникам.

Она определила и двусмысленность приведенного выше комментария к «Каллы».

Последняя по времени попытка преодолеть ее была сделана в новейшем научном издании Лермонтова в большой серии «Библиотеки поэта», собрании полуакадемического типа. Здесь воспроизведен текст, традиционно признаваемый дефинитивным (тот, что и во всех современных изданиях); в комментарии читаем: «Реставрация утраченной части текста с некоторыми разночтениями и дополнительными строками (представляющими будто бы первоначальную ред.) была сделана П. А. Висковатовым якобы по списку А. М. Верещагиной, что вызывает сомнение, поскольку в архиве и альбомах Верещагиной список „Каллы“ отсутствует, а ст. 147–152, дошедшие частично в копии В. Х. Хохрякова (ПД), в ряде случаев Висковатовым произвольно изменены»[23]. Традиционно скептическое отношение к висковатовской копии, как видим, осталось, — хотя остались и колебания: в разделе «Другие редакции и варианты» приведены ее разночтения.

Новыми в этой текстологической справке-обосновании были два момента: один — определение висковатовской редакции как «ранней», что уже само по себе оправдывает принятое решение печатать в основном тексте «позднюю» редакцию 21-й тетради; второй — указание на отсутствие «Каллы» в сохранившихся бумагах верещагинского архива. Второй аргумент учитывает находки последних десятилетий, но сам по себе не является доказательством: уже говорилось, что архив дошел до нас не полностью. Что же касается соотношения редакций, равно как и «произвольных» изменений, якобы сделанных Висковатовым, то эти вопросы и должны стать теперь предметом рассмотрения.

5

Здесь нам снова приходится напоминать о проблеме «недостоверного источника».

Существует немалое число лермонтовских текстов, которые печатаются по копиям неизвестного происхождения.

Так, «Сашка» печатается по копии Н. Н. Буковского, сделанной с утраченной копии И. А. Панафутина, восходящей к неизвестному ныне беловому автографу поэмы.

Источники поэмы «Монго» — публикация А. Меринского, дефектный список О. И. Квиста и не дошедший до нас список П. А. Ефремова, по которому в 1861 году поэма была напечатана в «Библиографических записках».

Стихотворение «В рядах стояли безмолвной толпой…» известно только в копии Хохрякова.

Качество каждого из этих списков как источника текста устанавливается в результате филологической критики. Никому из текстологов не приходит в голову начать эту критику с «презумпции виновности», выраженной на филологическом языке формулой «произвольные изменения», или, например, с сомнения, действительно ли копия Панафутина была сделана с лермонтовского автографа. Кстати, в этом последнем случае текстологи опираются на свидетельство того же Висковатова, которое в этом случае почему-то принимается на веру.

И только тексты самого Висковатова, наиболее значительного из биографов Лермонтова в XIX веке, изучившего едва ли не весь известный в его время фонд лермонтовских автографов и десятки копий, до нас не дошедших, в сущности не подвергаются филологическому анализу. Ибо сравнение изучаемого текста с другим, «эталонным», констатация разночтений и объявление этих последних «произволом редактора» не есть анализ, а есть поспешный вывод с явными следами текстологического любительства. Анализ предполагает хотя бы гипотетическое суждение о характере и причинах изменений текста, установление системы (или отсутствия ее) в самой совокупности таких изменений, привлечения показаний других копий, прослеживание генеалогии исследуемого источника и т. д. и т. п. Только установив явно неавторское происхождение разночтений и наклонность публикатора к редактированию текстов или к мистификациям и фальсификациям, мы можем — также гипотетически — высказать свое суждение о его *произвольном* (т. е. вызванном внутренними, а не внешними причинами: цензурным давлением, наличием у него нескольких источников

текста и т. п.) вмешательстве в авторский текст.

Посмотрим с этой точки зрения на текст «Каллы», напечатанный Висковатовым в «Русской мысли» 1882 года и перепечатанный в собрании сочинений Лермонтова под его редакцией. Он в точности воспроизводит копию, сделанную им «со списка Верещагинского архива»[24]. Сомнения в том, что Висковатов действительно получил список от потомков Верещагиной, следует сразу же и решительно отвести: для них нет ни одного серьезного основания; напротив, как уже говорилось выше, Висковатову верещагинские бумаги были известны раньше и шире, чем другим исследователям. Список, таким образом, по происхождению очень авторитетен. В настоящее время, когда мы имеем описание лермонтовских автографов из верещагинских альбомов, мы можем внимательнее отнестись и к соображениям Висковатова относительно напечатанной им редакции. Утверждение, что он считал ее ранней, — недоразумение; из несколько путаных его объяснений все же очевидно, что он видел в «верещагинском» тексте именно переработку ранней редакции, которую он относил к 1832 году (сейчас поэма датируется 1830–1831 годами), и потому и печатал поэму «в исправленном виде»[25].

В этом своем утверждении Висковатов, конечно, опирался на наблюдения над другими текстами из архива Верещагиной, копии которых он сделал перед тем, как вернуть автограф владельцу. Альбом с этими текстами, ныне хранящийся в Колумбийском университете (США), ныне подробно обследован и описан. Девять стихотворений 1830–1832 годов, содержащихся в нем, были вписаны, по-видимому, позднее, в 1835 году (менее вероятно, в 1837 году; после этого года Лермонтов Верещагину не мог видеть), в переработанных редакциях[26]. Естественно было предположить, что список «Каллы» также представлял собою позднюю, а не раннюю редакцию поэмы, — что и сделал Висковатов; однако он никак не развернул и не аргументировал своих утверждений. Любопытно проследить потому за движением текста.

Первое, что обращает на себя внимание, — ясно выраженная тенденция к устранению поэтических неточностей и небрежностей. Во всех случаях текст улучшен, и иногда очень значительно; ни одного случая ухудшения текста нет. Мы можем привести здесь лишь выборочные и наиболее показательные примеры таких уточнений; их легко пополнить по сводке вариантов в Академическом издании. Одним из примеров такого рода является правка в стихах 98–105; особенно существенно здесь, что исправляются не только прямые неточности, но и те

строки, которые в сущности исправления не требуют; они лишь совершенствуются, заменяясь афористическими формулами. Это манера авторской работы над текстом, совершенно нехарактерная для фальсификатора. В исходном тексте стихи эти читаются:

И он смотрел. И в думах тонет
Его душа. Проходит час.
Чей это стон? Кто так простонет,
И не последний в жизни раз?

Кто, услыхав такие звуки,
До гроба может их забыть?
О как не трудно различить
От крика смерти — голос муки!

В редакции «верещагинского списка» устраняется неловкий сдвиг временных глагольных форм в начальных строках и очевидный недосмотр во временной протяженности сцены: убийца не может мешкать «час» над спящей жертвой, вот-вот готовой проснуться:

Аджи глядит. И в думах тонет
Его душа. Урочный час!

Происходит резкое повышение напряженности рассказа. Оно достигается последующим введением великолепных афористических формул, о чем говорилось выше, и устранением серии риторических вопросов, в данном случае чисто формальных, так как ответ на них предрешен заранее:

Раздался стон. Кто так простонет,
Тот простонал в последний раз.
Кому ж пришлось такие звуки
Услышать, их не позабыть
И никогда не заглушить
Воспоминанья тяжкой муки.

В последних строках исправлена и смысловая неточность: «крик смерти» и «голос муки» в этой сцене тождественны.

Почти полностью переработана концовка — в том же правлении. Ср. в ранней редакции:

И в это время слух промчался
(Гласит преданье), что в горах
Безвестный странник показался,
Опасный в мире и в боях.
Как дикий зверь, людей чуждался;
И женщин он ласкать не мог!

Почти каждая из этих строк содержит неточность, которая ощущается на фоне висковатовской редакции. Предшествующий фрагмент лишен временной определенности; потому неподготовленной оказывается начальная строка концовки — «и в это время…». «Странник» — определение, трудно согласуемое с обликом изгоя и убийцы, абрека, «странник, опасный в мире и в боях» — строка еще более приблизительная и не вполне ясная по смыслу (что значит «опасный в мире»?). «Дикий зверь», конечно, не «чуждается» людей, а прячется или бежит. Наконец, в последней строке есть поэтическая неумелость, ощутимая при внимательном чтении: здесь описание таинственного лица, даваемое извне, как бы соскальзывает в сферу его частной, интимной биографии, что сразу же разрушает структурную основу рассказа.

Новая редакция снимала все эти неточности:

И след Аджи простыл. Катился
За годом год, и вот в горах
Абрек чужой всем появился,
Вселяя суеверный страх.
Как зверь, он от толпы таился,
Встречаться с женщиной не мог!

Как мы помним, далее следует лакуна в тексте, от которого остались лишь начальные слова или даже буквы. Стихи «верещагинской копии» совершенно естественно продолжают эти оборванные фрагменты. Полного «наложения» на них нового текста, однако, не происходит. Мы можем наглядно представить себе всю картину в виде сводки текстов, где фрагменты списка Хохрякова будут обозначены скобками:

(Быть может) совести упрек
(В его чертах) найти страшился…
(Следы страда)нья и тревог
(Не укрыва)лись от вниманья;
(Под башлы)ком упорный взор

(Он не госп)
(И верно б)
(На том к)
Внушал лишь страх… Ни состраданья,
Ни сожаленья — лишь укор
Судьбы читался в нем… Никто
Не признавал в Абреке друга,
Он поражал как бич недуга…
(Встречал ли) ночью он кого,
Встречал ли днем — всегда его
Все сторонились, избегали,
Как дней проклятья иль печали.
(Ему открыт был) всюду путь…

Далее следует концовка. Первые три стиха ее единичны в ранней редакции и в висковатовской копии:

Хранил он вечное молчанье;
Но не затем, чтоб подстрекнуть
Толпы болтливое вниманье;

В последних трех стихах — разночтения; в висковатовском списке — уточнения того же порядка, что и рассмотренные выше:

Но знал один он, почему
Каллы ужасное прозванье
В горах присвоили ему.

В копии XXI тетради:

И он лишь знает, почему
Каллы ужасное прозванье
В горах осталося ему.

Что же касается фрагмента, заполняющего лакуну в хохряковской копии, то вопрос о его происхождении возникает самым настоятельным образом. Здесь возможны только два решения: либо это лермонтовский текст (точно или не вполне точно переданный); либо это текст чужой, контаминированный или написанный заново, — иначе говоря, с теми или иными целями произведенная фальсификация.

В специальной работе, посвященной псевдопушкинскому тексту X главы «Онегина», Ю.М. и М. Ю. Лотманы дали превосходный образец анализа имитации на разных уровнях строения текста[27]. Строго говоря, таким же образом должен быть проанализирован и текст висковатовской (верещагинской) копии «Каллы»; однако здесь слишком мало нового текста, чтобы к нему можно было бы применить статистический метод анализа. Оставляя решение этих вопросов стиховедам и лингвистам, мы ограничимся лишь несколькими наблюдениями, ибо наша задача скромнее: она заключается не в антитезе, а в реабилитации текста, который должен быть поставлен в один ряд с другими, как подлинная копия определенной степени достоверности. В этой связи нам придется рассмотреть допущение об ее фальсифицированности.

Очевидно, что фальсикатором мог быть лишь П. А. Висковатов, напечатавший этот текст, — и на него-то и падают высказанные и полу-высказанные подозрения. Но тогда возникает вопрос о смысле и цели фальсификации. Не забудем, что Висковатов был первым публикатором практически неизвестной поэмы, из которой только 37 стихов было приведено в издании Лермонтова под редакцией С. С. Дудышкина (1860). Если дело было только в том, чтобы заполнить лакуну, то что тогда означает последовательная и целенаправленная, улучшающая текст правка на протяжении всей поэмы и почему она коснулась публикуемой впервые концовки?

Далее: если подозреваемый фальсификатор сумел с поэтическим блеском дописать оборванные строки, почему он не проделал эту операцию последовательно и отступил от указаний копии Хохрякова? Он увеличил число строк, оставил без внимания начальные слова в трех стихах и в двух случаях изменил чтения Хохрякова: стих, начинающийся словами «В его чертах» (по Хохрякову), звучит в висковатовской копии: «В ее чертах»; начало: «Но укрывал…» — в полном контексте стиха читается как «Не укрывались от вниманья». Здесь — ив особенности в первом случае — ошибка Хохрякова почти несомненна: он копировал графически близкие начертания и не мог проверить свое чтение контекстом.

Все это решительно противоречит допущению о фальсифицированности списка. Фальсификатор выбирает для своих упражнений то, что может быть воспринято как «открытие». Неизвестный текст Лермонтова в начале 1880-х годов, когда наследие его в значительной части оставалось неизданным, не представлял никакой сенсации; в особенности когда дело шло о ранней и незрелой поэме. Далее: фальсификатор стремится

привести свое сочинение в соответствие со всеми известными ему данными о публикуемом авторе, его наследии и его эпохе; здесь же налицо явное противоречие с текстом ранней редакции и пренебрежение к верифицирующим возможностям хохряковской копии. Это почерк не фальсификатора, а автора, свободного в обращении с собственным текстом.

Не повторяем того, что уже сказано о «произволе» Висковатова как редактора; укажем лишь на один эпизод его издательской практики, с нашей точки зрения, очень показательный. Речь идет о цензурных пропусках в «Тамбовской казначейше», где авторский текст утрачен, и, по-видимому, безвозвратно.

Существует письмо Висковатова к П. А. Ефремову от 8 августа 1879 года с опытом реконструкции пропущенных мест на основании немецкого подражания Ф. Боденштедта и собственных догадок редактора. Как удостоверял сын Ефремова, адресат письма считал этот документ «особенно ценным для характеристики работы П. А. Висковатова над текстами произведений Лермонтова»[28]. Между тем письмо это вовсе не характеризовало практику Висковатова, а лишь обозначало своего рода ранний этап его текстологического ученичества. Печатая «Казначейшу» в своем издании через десять лет, он писал в примечании: «Рукопись не найдена, а потому пополнить пропуски нельзя. Однако родственник Лермонтова Ак<им> Павлович Шан-Гирей продиктовал мне некоторые пропущенные места»[29]. Далее он скрупулезно оговаривал эти интерполяции, внесенные им в текст поэмы и составившие 10 стихов в разных строфах; в остальных случаях он оставил пропуски незаполненными. Он не воспользовался единственной в своем роде возможностью фальсификации, не поддающейся проверке: Шан-Гирей, родственник Лермонтова, продиктовавший ему по памяти пропущенные строки, умер в 1883 году, и если бы Висковатов действительно имел наклонность мистификатора, по произволу своему дополняющего лермонтовский текст, ему ничего не стоило заполнить остальные пропуски от имени Шан-Гирея. Он не только не сделал этого, но и укорил самого Ефремова, восполнившего по неизвестному источнику стих 236 («Иль стал душою заговора»); не назвав имени своего прежнего консультанта («новейшие редакторы»), он адресовал ему обычный в полемике тех лет упрек в произвольности[30].

«Легенда о Висковатове» тем не менее продолжала жить, и ей, без сомнения, способствовали документы, подобные процитированному выше письму, налагавшие отпечаток на текстологические споры. Она дожила до наших дней[31]. Между

тем текстологическую работу Висковатова нельзя оценивать исходя из современных критериев; она отразила в себе и достижения и слабости филологической науки 1880-х годов. О слабостях говорили много; достижением же был тот пафос собирательства, который позволил издателям и биографам сосредоточить в своих руках множество утраченных затем источников. К этой стороне дела мы до сих пор еще недостаточно внимательны. В нашем случае это небрежение привело к тому, что текст целой поэмы Лермонтова существует в научном обиходе в ранней своей редакции; поздняя же редакция, опубликованная Висковатовым еще в 1882 году, практически не переиздана и является предметом не изучения, а глобального, но мало обоснованного скептицизма, в то время как есть все основания печатать ее в основном корпусе как дефинитивный текст.

Таков этот исторический эпизод — пример «нецелесообразного решения», вызванного отказом от использования «недостоверных» источников.

notes

Примечания

1

Лотман Ю. М. К проблеме работы с недостоверными источниками // Временник Пушкинской комиссии, 1975. Л., 1979. С. 93.

2

Лермонтов М. Ю.: Две его поэмы — «Литвинка» и «Каллы», 1829–1832 / Сообщил П. А. Ефремов, 1882 // Русская старина. 1882. № 12. С. 685–696.

3

Ныне — ГПБ [РНБ]. Собр. рукописей М. Ю. Лермонтова. № 64.

4

«Каллы», как и «Литвинка», значится в перечне Хохрякова как «копия» «не с автографов». См.: *Андроников И.* Лермонтов: Исследования и находки / 4-е изд. М., 1977. С. 569–570.

Там же. С. 576.

6

Русская мысль. 1882. № 12. С. 16–18.

7

Лермонтов М. Ю. Сочинения: В 6 т. / Под ред. П. А. Висковатого. М., 1889. Т. 3. С. 137.

8

Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч. М.; Л.: ГИЗ, 1926. С. 664, 651, 645, 657.

Сб. ОРЯС. 1892. Т. 53. С. V–XXII.

10

См. указание на это обстоятельство в новейшей биографии Висковатова: «К чести Висковатова следует сказать, что многие из ошибок своих ранних публикаций он исправил как в тексте Собрания сочинений Лермонтова, так и в полном, окончательном тексте биографии» (*Фридлендер Г.* П. А. Висковатов и его книга о Лермонтове // Висковатов П. А. Михаил Юрьевич Лермонтов: Жизнь и творчество. М., 1987. С. 13).

11

Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч. М.; Л.: ГИЗ, 1926. С. 668.

12

Лермонтов М. Ю. Сочинения: В 6 Т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954–1957. Т. 3. С. 80, 318–319.

13

Там же. Т. 1. С. 324.

Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч. М.; Л.: ГИЗ, 1926. С. 669.

15

См.: *Голованова Т. П.* Автографы Лермонтова в альбомах А. М. Верещагиной // М. Ю. Лермонтов: Исследования и материалы. Л., 1979. С. 7–23; *КовалевскаяЕ.А.* Акварели и рисунки Лермонтова из альбомов А. М. Верещагиной // Там же. С. 24–79; *Глассе* А. Лермонтов и Е. А. Сушкова // Там же. С. 80–121.

16

Ср. беглое указание в биографии Лермонтова: «В семье Верещагиной сохранилось и посвящение к „Демону“ в окончательной редакции (см. соч. Т. III, стр. 4, 113 и особенно 124) и многое, о чем я говорю в биографии или в примечаниях к произведениям Лермонтова» (*Висковатов П. А.* Михаил Юрьевич Лермонтов: Жизнь и творчество. М., 1891. С. 290).

Эйхенбаум Б. М. О текстах Лермонтова // ЛН. Т. 19–21. С. 485–501.

18

Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 5 т. М.; Л., 1935. Т. 3. С. 577.

19

Лермонтов М. Ю. Соч.: В 6 Т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954–1957. Т. 3. С. 319–320.

Там же. С. 325.

21

Там же.

Лермонтов М. Ю. Соч.: В 6 Т. / Под ред. П. А. Висковатого. М., 1889. Т. 2. С. 48.

23

Лермонтов М. Ю. Полн. собр. стих.: В 2 т. Л., 1989. Т. 2. С. 631.

Мелкие разночтения объясняются, вероятно, частью неточностями копирования или набора; в двух случаях (ст. 61 и 154) можно предполагать редакторскую конъектуру по смыслу. Стих 61 копии читается: «Так на молитву сжаты руки!», в печатном тексте — «Как на молитву…»; стих 154 — «укор Судьбы читался в нем…», в печати: «Судьбе…»; заключительные стихи: «Но знал один он, почему / Каллы ужасное прозванье / В горах осталося ему» — в печати переданы: «И знал один он, почему / Каллы ужасное прозванье / В горах присвоили ему».

25

Лермонтов М. Ю. Соч.: В 6 Т. / Под ред. П. А. Висковатого. М., 1889. Т. 2. С. 137.

См. анализ их в указанной статье Т. П. Голованової «Автографы Лермонтова в альбомах А. М. Верещагиной».

27

Лотман Ю. М., Лотман М. Ю. Вокруг десятой главы «Евгения Онегина» // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1986. Т. 12. С. 124–151.

Лермонтов М. Ю. Соч.: В 6 Т. / Под ред. П. А. Висковатого. М., 1889. Т. 2. С. 230.

29

Цит. по: *Фридлендер Г.* Указ. соч. С. 13.

30

Там же. С. 237. Ср.: *Лермонтов М. Ю.* Полн. собр. соч.: В 6 Т. Т. 4. С. 406–407.

31

Традиционное представление о текстологической работе Висковатова сказалось и в очерке автора этих строк, посвященном истории изданий Лермонтова (см.: *Мануйлов В. А., Гиллельсон М. И., Вацуро В. Э.* М. Ю. Лермонтов: Семинарий. Л., 1960. С. 177–179); и даже в наиболее объективной и осторожной по выводам статье Г. М. Фридлендера «П. А. Висковатов и его книга о Лермонтове», где утверждается, что в «Тамбовской казначейше» Висковатов «сохранил <…> собственные свои дополнения и поправки» (*Фридлендер Г.* Указ. соч. С. 13).